

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки
Института русской литературы
(Пушкинского Дома)
Российской академии наук
д. ф. н. В. В. Головин



« 12 » марта 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации — Отдела Новой русской литературы Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук о диссертации Писаревой Кристины Владимировны на тему «Поэтика детали в романах Ф. М. Достоевского 1860–80-х годов: гардероб действующих лиц», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Диссертационное исследование Кристины Владимировны Писаревой посвящено достаточно исследованной и в тоже время не утратившей своей актуальности в современном литературоведении теме — изучению деталей предметного мира художественного произведения. В настоящей работе анализируется гардероб действующих лиц в романах Ф. М. Достоевского 1860–80-х годов. К изучению деталей, дешифровке и анализу предметного мира, ольфакторных и пищевых кодов — вещей, деталей, запахов, предметов одежды, еды и пр. в романах Достоевского обращались многие отечественные и зарубежные исследователи: Ю. М. Лотман, А. П. Чудаков, Т. А. Касаткина, Л. В. Карасев, В. Н. Захаров и мн. др. И в этом плане методологический выбор направления диссертационного исследования не вызывает нареканий.

Во вступлении к работе Кристина Владимировна рассматривает исследования «литературоведов» (sic!), в которых представлены различные точки зрения «на значение и функции портретных характеристик» (С. 4) героев Достоевского. Далее представлен дескриптивный анализ различных по качеству и объему работ, разделенных исследовательницей на три референтные группы, это работы где «портретные детали не имеют существенных значений и функций», исследования, где «детали портрета выполняют специфические функции, но лишь на образном уровне текста» и работы, где «портретные детали выполняют важную функцию — связывают различные уровни повествования». Такое распределение, на наш взгляд, допустимо. Однако оно, как нам кажется, выглядит несколько схематичным и малообоснованным. Представляя мнения и различные точки зрения разных авторов на предметный мир в произведениях Достоевского, следовало бы обратить внимание и на конкретные школы и парадигмы, к которым принадлежали исследователи. Д. С. Мережковский, Вяч. Иванов — это не литературоведы (как обозначено на с. 4), а представители символистской критики; Н. А. Бердяев — религиозный и политический философ; Л. П. Гроссман, В. Б. Шкловский — представители формальной школы и т. д. Соотнесение работы того или иного автора с конкретной парадигмой, в которой он работал (особенно это относится к работам 1900-1950-х гг.) помогло бы автору диссертации нагляднее высветить представленные мнения. Например, очевидно, что у Д. С. Мережковского и Вяч. Иванова — ведущих представителей символистской критики, рассуждавших в своих работах исключительно космическими категориями, в анализе романов Достоевского акцент смещен на внутренний мир героев. В тоже время для представителей формальной школы важны были другие принципы при анализе художественного произведения, следовательно, здесь уже и другие оценки и т. д.

Также отметим, что приведенный во введении обзор мнений по исследуемой тематике далек от полноты. Укажем, в частности, на работу К.

В. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество», в которой отмечено: «Мир природный и вещный не имеет у Достоевского самостоятельного существования; он до конца очеловечен и одухотворен. Обстановка всегда показана в преломлении сознания, как его функция» (*Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 363*). Современный исследователь А. Б. Креницын пишет, что «для Достоевского зрительные образы важны только в их духовном, выразительном модусе, и при этом конкретность их бытования в романе становится совершенно необязательной — достаточен лишь факт их присутствия в сознании героев. Поэтому внешность героев может восприниматься и оцениваться окружающими крайне субъективно, а вместо реальных картин природы могут быть введены вычитанные героями из книг или созданные в воображении» (*Креницын А. Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых. Москва, 2001. С. 170—205*). Большим упущением диссертации является неучтенная в работе монография Л. В. Карасева «Вещество литературы», в которой, в частности, отмечается: «Различия между людьми и предметами все более выступают как различия несущественные, тогда как их общая бытийная и одновременно со-бытийная основа становится зримой и осязаемой. От внешней формы вещей <...> Достоевский идет к их нутру, к собственно веществу, из которого они состоят, признавая за ними право на самостоятельное значение и действие» (*Карасев Л. В. Вещество литературы. М., 2001. С.77*). Укажем также на работы Е. В. Степановой «Колористическое искусство прозы Ф. М. Достоевского 1860-х годов» (дисс... канд филол. наук Саратов, 2010. 184 с.), А. Б. Креницына «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского: монография» (М., 2017), в которых обозначенные в диссертации проблемы поднимаются под тем или иным ракурсом.

Во введении Кристина Владимировна ставит перед собой серьезные задачи. Не только «разработать классификацию гардеробов действующих лиц» и «проанализировать основные мотивы и вещные образы», но и «рассмотреть парадигму формирующихся в текстах значений костюмных деталей», «выявить роль гардероба и его место среди других портретных характеристик» и «интерпретировать основные вещные образы Достоевского, чтобы сделать вывод об особенностях художественной прозы и творческого сознания автора». Большинство сформулированных автором задач решены.

В первой главе «Классификация гардеробов действующих лиц в романах Ф. М. Достоевского» автор работы сообразно своему оригинальному подходу группирует гардеробы на «полные», под которым понимаются гардеробы «отличающийся разнообразием в качественном плане, содержащий большое количество деталей из различных тематических групп» и «неполные» и «отсутствующие», т. е. гардеробы, состоящие «из одного костюма». В главе рассматриваются гардеробы целого ряда действующих лиц. Анализ конкретных эпизодов подкреплен наглядными таблицами и оригинальными выводами.

Во второй главе «Сигнал – знак – эмблема – символ в структуре романов Ф. М. Достоевского» на широком материале рассматриваются детали, которые обретают, по мнению Кристины Владимировны, «дополнительный смысл, не закрепляющийся за элементом гардероба и варьирующийся в зависимости от контекста». Удачными в данной главе следует признать разделы о карманах в одежде героев, шляпах, о белье, параграф «Мотив “смена гардероба”» и др. В тоже время, в ряде разделов описательность превалирует над собственным анализом текста. Например, в начале параграфа о «халате» Кристина Владимировна отмечает несколько наиболее известных работ, в то же время, переходя к описаниям и анализу этого предмета одежды в русской литературе (Гоголь, Гончаров), цитирует лишь произведения классиков, сопровождая их собственными

размышлениями, носящими скорее описательный характер. Между тем, именно здесь следовало бы свой анализ подкрепить не несколькими наиболее известными работами — а многочисленными статьями, где облачение Плюшкина и Обломова подробно проанализированы и изучены.

Небольшой раздел о белье, в котором проанализированы по касательной лишь отдельные эпизоды из романов «Бесы», «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», на наш взгляд, следовало бы существенно расширить до самостоятельного и значительного параграфа диссертации. Материалом для анализа должны были бы послужить проигнорированные диссертантом эпизоды из анализируемых романов. А именно: в «Идиоте» в финальной сцене, после смерти Настасьи Филипповны можно наблюдать апофеоз чистого белого белья: простыня, на которой лежит тело убитой, ее белое свадебное платье и белые кружева. Эта сцена сопоставима с эпизодом в «Преступлении и наказании», где Свидригайлов перед самоубийством видит во сне мертвую девочку «в белом тюлевом платье», лежащую на столе, покрытом «белыми атласными пеленами». Также вне аналитического фокуса работы остался узелок князя Мышкина, в котором хранилось чистое белье; «белый чистый платок», которым Митя, по ошибке чуть не убивший старика Григория, вытирал кровь и др. В этих и других эпизодах эмблематическое звучание получает деталь «белое, чистое белье». Логичным было бы сопоставление эпизодов, где акцентируется внимание на нечистоплотности и грязном белье. Опираясь на основную тему диссертации «поэтика детали», возможно, здесь бы следовало выйти за рамки, установленные подзаголовком работы, и привлечь к сопоставительному анализу и ольфакторные детали (см. об. главу «Тлетворный дух» в монографии Карасева. С. 86—102).

Заключительная глава «Гардероб действующего лица» посвящена анализу гардеробов «второстепенных действующих лиц» и «основных действующих лиц». В этой части диссертации рассматриваются как

отдельные элементы одежды, характерные для целого ряда персонажей, так и детально рассматриваются гардеробы главных героев. Многие наблюдения, сделанные Кристиной Владимировной в этом разделе работы, оригинальны и заслуживают высокой оценки. Отдельные же разделы требуют уточнения и пояснения. В частности, в параграфе «Гардероб Родиона Раскольникова (“Преступление и наказание”))» подробно анализируется «циммермановская» шляпа. Этим атрибутом, по мнению автора работы, подчеркивается «нерусскость» шляпы; «циммермановская шляпа не столько характеризует героя, сколько его идею» (с. 162); также в работе делается вывод о том, что головной убор указывает на мировоззрение Раскольникова и «чуждые русскому человеку идеи» (с. 162). Между тем, автору диссертационного исследования следовало бы обратиться к реальному комментарию к роману, где сказано, что «Циммерман — известный в Петербурге владелец фабрики и магазина головных уборов. В его магазине была куплена шляпа Ф. М. Достоевского» (Достоевский Ф. М. ПСС: в 30-ти тт. Т. 7. С. 363.). Т. е. эта деталь романа явно автобиографичная. Здесь следовало бы пояснить пассаж о чуждых «русскому человеку идеях» (с. 162). Этот тезис повисает в воздухе, его следовало бы подкрепить конкретными исследованиями или собственным историко-литературным комментарием, о каких конкретно идеях идет речь.

В «Заключении» подводятся итоги, приводится библиографический список. Источниковедческая база работы вызывает существенные нарекания. Несмотря на то, что приведенный список литературы и количественно, и качественно допустим для заявленной темы, диссертант могла бы гораздо шире использовать в своей работе статьи и монографии таких исследователей как Г. М. Фридлендер, Л. В. Карасев, В. Е. Ветловская, Н. Ф. Буданова, В. Д. Рак, К. А. Баршт, Л. И. Сараскина, Б. Н. Тихомиров и др. Грамотная работа с источниками позволила бы избежать в работе «школьных» ошибок. Например, на странице 80 отмечается: «Так, изображая Катерину Верховцеву (“Братья Карамазовы”), Достоевский вовсе не упоминает о каких-либо вещах ее гардероба, несмотря на то, что Верховцева является активным участником

происходящего». В данном пассаже Кристина Владимировна не различает такие базовые для литературоведения понятия, как автор — повествователь — рассказчик. Подобных ошибок можно было бы избежать, обратившись к работе В. Е. Ветловской «Роман Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”» (СПб, 2007. 640 с.), в которой отмечено, что повествование в романе ведется от лица вымышленного рассказчика, что, по мнению исследователя, служит прежде всего впечатлению достоверности рассказа и «скрывает личность истинного автора» (Ветловская В. Е. Указ соч. С. 21). Поэтика детали и различных частностей многие годы разрабатывалась отечественными исследователями — гоголеведами и чеховедами. Обращение к работам Ю. В. Манна, Э. А. Полоцкой, В. Б. Катаева, З. Г. Абдулаевой, И. Н. Сухих могло бы принести диссертантке свои результаты, а анализ произведений при учете в работе вышеупомянутых авторов, вероятно, выглядел бы сильнее и значительнее.

Библиографический список не структурирован. Здесь следовало бы ввести разделы и отделить тексты (собрания сочинений Достоевского, Гоголя, Иванова, Гончарова и др.) и научную литературу. Собрание сочинений Достоевского следовало указать лишь один раз, а ссылки на конкретные комментарии оставить лишь в тексте работы.

Ссылка на Полное собрание сочинений Достоевского в тридцати томах — наиболее авторитетное на сегодняшний день издание в списке литературы оформлена небрежно (54 источник). Не указано, что цитируется **Полное** собрание сочинений, здесь бы также следовало указать информацию о редколлегии — проявить уважение к исследователям, готовившим это издание ([редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]).

Удивили в списке **научной** литературы(!) источники под номером 32, 55 и 113, а именно «Второе послание Иакова», «Евангелие от Луки» и

«Первое послание апостола Павла к Коринфянам». Это замечание оставляем без комментария. В работе также присутствуют вторичные, компилятивные источники, которых следовало бы избегать в работе. Под номером 65 (История фартука [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <http://la-gatta-ciara.livejournal.com/22386.html> (дата обращения: 18.12.06.2017) представлена ссылка на известный ресурс «Livejournal», в котором, как известно, люди самых разных взглядов и профессии сообщают «Urbi et orbi» свои мысли, делятся записями личного характера и пр. В современной цифровой информационной реальности вполне допустимы ссылки в научной работе на отдельные страницы вышеупомянутого ресурса, с одно лишь оговоркой, что цитируемый источник не компилятивен, самостоятелен, оригинален и научен. Однако указанная страница не соответствует ни одному из перечисленных критериев, открыв цитируемый источник, члены диссертационного совета смогут прочитать: «Как нам рассказывает Википедия...», «Как рассказывает другой источник...» (История фартука [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <http://la-gatta-ciara.livejournal.com/22386.html> (дата обращения: 3.03.06.2018).

В тексте диссертации все ссылки на источники следовало бы давать при цитате в скобках с указанием тома и станицы, а не подстрочными сносками.

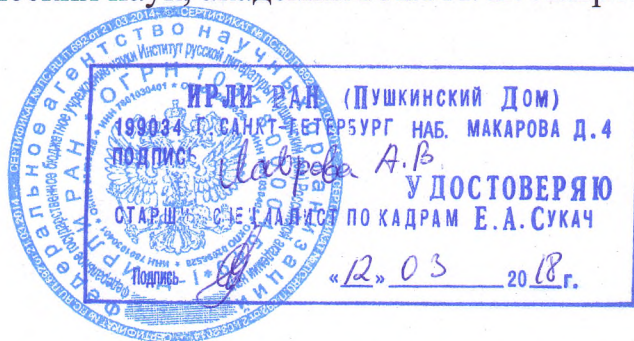
Автореферат и публикации достаточно полно отражают содержание диссертации. В целом, несмотря на приведенные замечания, диссертация Писаревой Кристины Владимировны соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, научным сотрудником Отдела Новой русской литературы Института русской

литературы (Пушкинского Дома) РАН Эльмирой Камильевной Александровой.

Отзыв обсужден на заседании Отдела Новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН 5 марта 2018 г. (Протокол № 1).

Заведующий Отделом Новой русской литературы, доктор филологических наук, академик РАН А. В. Лавров.



А. В. Лавров

5 марта 2018 г.

Адрес: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; Санкт-Петербург, 199034, наб. Макарова, 4. Тел. (812) 328-19-01. Адрес электронной почты: irliran@mail.ru